

Отзыв
на автореферат
диссертации Кокшарова Сергея Федоровича, представленной в ФГБУН Институт
археологии и этнографии СО РАН, на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.06 – археология по теме
«КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ»

Работа С.В. Кокшарова посвящена крайне актуальной теме – эпохе раннего металла огромного региона – севера Западной Сибири. За последние десятилетия, благодаря серии хоздоговорных работ, объем материала по этому региону накопился, но обобщающие схемы, осмысляющие и систематизирующие его, не то, чтобы отсутствовали, но явно отстали от ситуации и не соответствовали ей. Поэтому такая работа назрела давно. Я не склонен осуждать те или иные частные стратиграфические или хронологические проблемы, не зная этого материала достаточно глубоко. Уверен, что эта схема содержит множество несоответствий действительности, что, в данном случае, абсолютно неизбежно, так как для этой огромной территории исследованных памятников все равно недостаточно, а ландшафтные особенности тайги создают условия для консервации отдельных локальных типов, в результате, часто культурные типы представлены единственным памятником. Тем не менее, тот факт, что зафиксированные стратиграфические ситуации соответствуют радиоуглеродному датированию и приводимым параллелям в иных культурах указывает на то, что общая схема, возможно, верна. Серьезная научная работа на территории без создания базовых схем невозможна. И это открывает путь для доработки возможных пробелов или неточностей в будущем.

Очень важна и работа по синхронизации этого материала с сейминско-турбинскими комплексами, и более южными памятниками, такими как синташтинские и андроновские, поскольку это позволяет выходить на крупные территориальные схемы культурогенеза Урала и Западной Сибири.

В данном случае не вызывает больших возражений синхронизация поздних полымьятских комплексов с синташтинскими, что подтверждается и типами сплавов и радиоуглеродными датами. Менее для меня очевидны циркумпонтийские параллели для ранних полымьятских материалов. Хронологически это, возможно, и так, но отчетливые циркумпонтийские признаки в этом материале отсутствуют – устойчивое использование мышьяковой меди, типы изделий, особенно шилья, копья с упором и т.д. Довольно простая литейная форма может формироваться независимо от сопредельных производящих центров на любой территории. А приводимое в качестве примера изделие из биллона, говорит, скорее, о синташтинских или абашевских связях. Но и полностью отрицать этот тезис нельзя, так как металлургического материала недостаточно для любого утверждения. Вероятно, автор трактует понятие “циркумпонтийские” слишком расширенно, включая сюда абашевско-синташтинские, которые, хотя и формировались под влиянием традиций ЦМП, все же, относятся к традициям ЕАМП.

Читая этот автореферат и обдумывая предложенную схему, я пришел к пониманию некоторых точек зрения автора, которые вызывали у меня и других коллег устойчивое отторжение. Речь идет о том, что, в соответствии с его

периодизацией, сейминско-турбинские и самусьско-кижировские изделия синхронны последующим варпульским памятникам. Но втульчатые изделия появляются на позднеполымьятской ступени.

Но у меня при изучении шлака тоже сложилось впечатление о более ранних предсейминских технологических импульсах в Западную Сибирь. Однако шлак не имеет четкого культурного определения. Но более интересны результаты анализа Е.В. Тигеевой алакульского металла, где широко представлены сплавы с оловом и свинцом. Они не характерны для собственно сейминско-турбинских памятников, но хорошо известны в елунинских. И, хорошо известны ранние радиоуглеродные даты алакульских могильников предтаежного Притоболья. Но могильники тоже не стратифицированные памятники, в отличие от поселений, анализируемых С.В. Кокшаровым. По всем этим причинам, предпринятая им корректировка имеет право на существование.

С чем я решительно не могу согласиться в данной работе – это с рассмотрением энеолитических добронзовых памятников в рамках переходного периода на том основании, что изделия из металла на них не найдены, хотя они имеют параллели с энеолитическими памятниками иных ареалов, и последнее мешает называть их также неолитическими.

Но можно привести сотни примеров из этой эпохи и из эпохи бронзы, когда мы не видим строгого соответствия технологических параметров содержанию и названию эпохи. Строго говоря, карасук, с его мышьяковыми лигатурами не следует называть поздней бронзой, а ямную культуру, с полным отсутствием лигатур, относить к эпохе бронзы. С другой стороны, энеолитические комплексы Анатолии и Закавказья содержат в основе своей мышьяковую медь, и встречается изредка медь, легированная оловом. Поэтому отнесение к археологической эпохе должно производиться по характеру культуры в обширных ареалах, а не по отдельным памятникам, или даже по отдельным культурам. Но это проблема, скорее, конвенциональная, которая никак не сказывается на общем положительном впечатлении от прочитанной работы.

07.10.2015 г.

Григорьев Станислав Аркадьевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории и археологии УрО РАН (ФГБУН ИИА УрО РАН)

620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

тел. (343)3745340, 3744234, 3745722

(343) 3745340 (факс)

E-mail: iia-history@mail.ru

stgrig@mail.ru

Подпись С.А. Григорьева
Специалист по кадровой работе Т.С. Обвинчев

